

над чем работают польские писатели.

Ярослав Ивашкевич продолжает работу над третьим томом исторической повести «Честь и слава», действие которой происходит в Польше и России в годы Великой Октябрьской социалистической революции. Недавно писатель закончил рассказ «Любовники из Мароны», который будет издан польским издательством «Искры» и также итальянским — «А. Мондадори». В планах писателя — книга записок о Дании и ее культуре.

Люциан Рудницкий работает над четвертым томом книги «Старое и новое». Это — большое эпическое произведение о жизни рабочего класса в условиях буржуазного строя, об общественно-политических устремлениях людей труда, о постепенном их превращении в организованную политическую силу.

Поэт старшего поколения Анатолий Стерн недавно завершил том воспоминаний «О поэзии и поэтах», где рассказал о польском футуризме, о Бруно Ясенском, Юлиане Тувиме, Константы Ильдефонсе Галчинском и о других. На рабочем столе поэта — перевод стихов Бажана «Мицкевич в Одессе» и воспоминания о Маяковском.

Рышард Данецкий подготовил к печати два сборника своих стихотворений. Он заканчивает повесть о годах гитлеровской оккупации в Познани, а также сборник рассказов на современную тематику.

ЮБИЛЕИ «ШПИЛЕК»

«Шпильки» хорошо известны не только в Польше. Карикатуры из этого остроумного, веселого журнала перепечатываются многими зарубежными газетами и журналами. Примерно девять десятых объема журнала занимают материалы, посвященные проблемам внутренней жизни Польши. Большое внимание журнал уделяет и политической сатире на международные темы.

«Шпилькам» исполнилось двадцать пять лет. Первый номер журнала вышел в предвоенной санационной Польше и был целиком конфискован тогдашними правящими кругами. Антифашистский характер левого сатирического журнала пришелся не по вкусу пилсудчикам.

Много невзгод пришлось пережить журналу в буржуазной Польше: его запрещали, конфисковывали, отказывались распространять. За десять дней до нападения на Польшу фашистской Германии, 20 августа 1939 года, был конфискован последний предвоенный номер «Шпилек» — за карикатуру на Гитлера. В народно-демократической Польше первый номер журнала вышел 1 марта 1945 года; одним из его новых редакторов был поэт Леон Пастернак.

Долгие годы с журналом «Шпильки» сотрудничали выдающиеся польские поэты — Константы Ильдефонс Галчинский и Юлиан Тувим. Из журнала вышли и сотрудничают с ним по сей день писатели-сатирики Станислав Ежи Лец, Славомир Мрожек, Стефания Гродзенская. Продолжает работать в журнале художник очень своеобразного дарования — Бронислав Линке.

У объявления «Фильм разрешен лицам старше 18 лет».
— Не огорчайся, мы спокойно посмотрим этот фильм по телевидению... (Карикатура Януша Гослиновского.)
(Журнал «Шпильки»)

РУМЫНИЯ

К ЮБИЛЕЮ МИХАИЛА САДОВЯНУ

В честь восьмидесятилетия со дня рождения выдающегося румынского писателя лауреата Международной премии мира академика Михаила Садовяну вышел специальный номер журнала «Стяуа».

На страницах журнала среди материалов о творчестве Садовяну помещены поздравления юбиляру от писателей других стран, в том числе от Михаила Шолохова, Константина Федин, Джанкарло Вигорелли.

США

«АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ 1960 ГОДА»

Под этим многозначительным заголовком еженедельник «Нью-Йорк геральд трибюн бук ревью» опубликовал рецензию Милтона Ругдофа на книгу Джона Апдайка «Беги, Кролик, беги!». Автор рецензии сравнивает эту книгу с «Американской трагедией» Драйзера не столько по художественной значимости, сколько по тому, что Апдайк выводит героя, который мог бы быть сыном Клайда Гриффитса. Речь идет о действительной американской трагедии 1960 года, о поколении, порожденном клайдами гриффитсами и социальной обстановкой, воспитывающей и формирующей их сознание, характеры, вкусы и устремления.

Центральная фигура романа — Гарри Энгстром, мешанское ничтожество, типичный продукт американского большого города. Человек без идей, без подлинных интересов к жизни и работе, без глубоких и настоящих привязанностей, лишенный способности любить, дружить, сам себя презирающий и презирающий других, человек, который не живет, а прозябает. Иногда его охва-

тывает возмущение тем, как он живет, и тогда он пытается бежать от окружающего, бежать от семьи, бежать от самой жизни, безобразия которой он где-то в глубине души смутно, неясно ощущает.

Милтон Ругдофф поясняет, как возникло название книги, предопределяющее и весь внутренний ее смысл и основную идею — бегство безвольного человека от жизни. Когда Гарри Энгстром учился в школе, он состоял в баскетбольной команде и носил кличку Кролик. Тренер, подгоняя его, вечно кричал медлительному парнишке: «Беги, Кролик, беги!»

Через восемь лет после окончания средней школы Гарри оказался в таком положении, когда жизнь непрерывно подгоняла его, подхлестывая символическим окриком: «Беги, Кролик, беги!»

«Показанный в романе уровень американской жизни, от которой убегает Кролик, действительно является устрашающим, — пишет рецензент. — Это жизнь вль-

гарная, убийственная по своей тупости, скучная и невыразимо мещанская. Но и сам герой — устрашающий типаж, душевнобольной, неуравновешенный пессимист.

Путь, который прошел средний американец от Клайда Гриффитса до Гарри Энгстрема, — страшный путь; в этом заключается, по-видимому, подлинная американская трагедия 1960 года. Судя по рецензиям американской печати, книга Апдайка выделяется тем, что выразительно показывает эту трагедию.

НЕГРЫ И АМЕРИКАНСКИЙ ТЕАТР

О дискриминации по отношению к негру в американском театре написала статью в журнале «Тизтр артс» писательница негритянка Лорейн Хэнсберри, известная советскому читателю по пьесе «Изюминка на солнце» (опубликована в «Иностранной литературе» № 11, 1959 г.).

Расизм появился не вчера,

Один из лучших нью-йоркских театров — «Феникс» — поставил драму Шона О'Кейси «Плуг и звезды», воссоздающую эпизоды так называемого «пасхального восстания» ирландцев в Дублине против британского владычества в 1916 году. На снимке: Сцена из спектакля.

(Еженедельник «Нью-Йорк геральд трибюн лайвли артс энд бук ревью»)

отмечает Хэнсберри. Он — порождение «духа торгашеского экспансионизма, который еще в XVI веке захлестнул Европу и вылился в колониальные захваты и работорговлю». Негров перестали считать за людей. Поэтому в течение трех столетий шут или злодей были единственными ролями, в которых позволялось негру выступать в театрах и зрелищных предприятиях Европы и Америки.

Писательница дает гневную отповедь тем, кто под прикрытием фраз о «художественной правде» выступают против интеграции негров в театр: «Люди, которые в ярости обрушиваются на то, что Ибсен и Шоу слишком тяготеют над современным театром, которые ратуют за фантазию и условность... эти люди почему-то первыми поднимают крик о «реализме», когда заходит речь о том, чтобы дать негру «белую роль».

С помощью подобных уловок игнорируется обширная область театра, которая не имеет прямого отношения к «искусству», продолжает Хэнсберри. Почему на Бродвее почти не встретишь негров кассиров, капельдинеров, рабочих сцены, осветителей?

Хэнсберри убедительно показывает вздорность мнения, будто пьесы негритянских драматургов непременно узки по теме и не интересны широкой публике. Заметим, что лучшим аргументом тут является успех ее драмы «Изюминка на солнце». Что же касается белых драматургов, то большинство из них, отмечается в статье, все еще находится, пусть бессознательно, в плену расовых предрассудков. Негры в пьесах таких авторов — не живые люди, за плечами которых героическая история борьбы за свободу и большое искусство протеста, а стереотипные, нарочито оглушенные фигуры. В одних случаях — это веселящиеся, беззаботные, никогда не слышавшие о рабстве и дискриминации негры («Апологеты белого превосходства